

12. Steffensen S. V., Cowley S. J. Signifying bodies and health: a non-local aftermath // Signifying Bodies: Biosemiosis, Interaction and Health. Braga, 2010. P. 331–355.

REFERENCES

1. Arhipov I. K. Yazyk i ego funktsiya: smena paradigm nauchnogo znaniya // Studia linguistica cognitiva. Vyp. 2. Nauka o yazyke v izmenyayushcheysya paradigme znaniya. Irkutsk: Izd-vo BGUEP, 2009. S. 100–152.
2. Benvenist E. Obshchaya lingvistika. M.: Progress, 1974. 448 s.
3. Giyom G. Printsipy teoreticheskoy lingvistiki. M.: Progress, 1992. 224 s.
4. Zvegintsev V. A. Mysli o lingvistike. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1996. 335 s.
5. Kravchenko A. V. K probleme nablyudatelya kak sistemoobrazuyushchego faktora v yazyke // Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka. 52 (3). 1993. S. 45–56.
6. Kravchenko A. V. Kognitivnyj gorizont yazykoznaniya. Irkutsk: Izd-vo BGUEP, 2008. 320 s.
7. Maturana U. Biologiya poznaniya // Yazyk i intellekt. M.: Progress, 1996. S. 95–142.
8. Nikitin M. V. Kurs lingvisticheskoy semantiki. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2007. 817 s.
9. Haydegger M. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya. M.: Respublika, 1993. 447 s.
10. Järvillehto T. The theory of the organism-environment system: I. Description of the theory // Integrative Physiological and Behavioral Science. Vol. 33. No. 4, 1998. P. 317–330.
11. Maturana H. R. Biology of Cognition. BCL Report 9.0. Urbana II. University of Illinois, 1970. P. 127.
12. Steffensen S. V., Cowley S. J. Signifying bodies and health: a non-local aftermath // Signifying Bodies: Biosemiosis, Interaction and Health. Braga, 2010. P. 331–355.

З. М. Чемодурова

СТРАТЕГИИ СОЗДАНИЯ СОВРЕМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Статья посвящена рассмотрению прагматингвистических стратегий создания автобиографических текстов, в эпоху постмодернизма ставших чрезвычайно востребованными, поскольку данный тип текста в полной мере позволяет авторам автобиографий в сложной, трансформированной форме преподнести читателям результаты рефлексии над такими важнейшими вопросами современной культуры, как соотношение реальности и вымысла, объективности и субъективности. В фокусе внимания создателей автобиографий — усложненная структура «Я», объективация которой в эпоху постмодернизма происходит при помощи разнообразных стратегий и тактик, нарушающих «правила игры» и конвенции жанра. Среди них стратегия создания «автофикции», в основе которой — отступление от «автобиографического пакта», стратегия использования вариативной повествовательной перспективы, предполагающая переход с перволичностного повествования на третьеличностное, а также стратегия монтажа дискурсов при построении автобиографического текста.

Ключевые слова: автобиографический текст, автобиографический пакт, трангрессивная автобиография, когнитивный диссонанс, автофикция.

STRATEGIES OF CONSTRUCTING MODERN AUTOBIOGRAPHICAL TEXTS

The paper examines a number of pragmatolinguistic strategies contributing to modern autobiography construction. The current popularity of autobiographical texts is often connected with the attempts of modern authors to reflect on such relevant linguistic, cultural and philosophical issues as representation, reality/fiction correlation, objectivity/subjectivity interaction, and to share their reflections in unconventional, experimental autobiographical narratives. A wide range of strategies used by postmodernist authors includes the creation of the so-called autofiction, presenting a unique blend of autobiographical facts and fiction; a constant shift of narrative focus helping postmodernist authors to take a more "objective" look at their lives; a montage of various discourse types creating an extremely complex texture of modern autobiographical texts.

Keywords: autobiographical texts, autobiographical pact, transgressive autobiography, cognitive dissonance, autofiction.

1. Введение

Во второй половине XX в. автобиографические повествования, проблематизирующие отношения между фактом и вымыслом, стали особенно популярны, в том числе и поскольку постмодернистская философия предполагала значительное усложнение субъектно-объектных отношений, многослойность повествующего субъекта, неоднозначность структуры Авто + Био + Графии, трансформирующейся в Авто + Фикцию. Среди наиболее важных причин, способствующих превращению автобиографического дискурса и его элементов в один из значимых дискурсов постмодернизма, необходимо назвать склонность авторов к игровой рефлексии над проблемой разграничения/соположения реальности и фикциональности, над усилившимся в конце XX в. стремлением к самоидентификации и самопознанию в хаотическом и непредсказуемом мире, что обуславливает авторское экспериментирование с классическими моделями автобиографического повествования. Многообразие различных видов и жанров мемуарной литературы, включающей автобиографии, дневники, воспоминания, жизнеописания, жанровая неопределенность многих современных ав-

тобиографических текстов, которые, согласно Полу де Ману, следует рассматривать как пограничное явление, существующее на грани жанров, конвенций и условностей [18, с. 68], делают **актуальным** исследование основных механизмов и стратегий моделирования автобиографических текстов конца XX — начала XXI вв. Не менее **актуальным** представляется и изучение роли современного читателя, которому часто приходится сталкиваться с так называемыми «трансгрессивными автобиографиями» [19], в которых автобиографическое время как одна из онтологических констант автобиографии моделируется исключительно *фрагментарно* [15, с. 70], и при этом нарушается принцип автобиографического миметизма, изложенный Ф. Леженом. Играя с ожиданиями читателя, связанными, прежде всего, с так называемым автобиографическим соглашением, или пактом, согласно которому имя на обложке идентично и повествователю и протагонисту рассказываемой истории жизни [20], и, тем самым, подвергая сомнению подлинность (то есть достоверность) фактов автобиографии, современные создатели автобиографических повествований провоцируют у современных читателей *эффeкт*

когнитивного диссонанса. Те «коды чтения» (Лежен), которые в традиционных автобиографиях обуславливаются автобиографическим соглашением с читателем, в постмодернистских автобиографических текстах подвергаются деконструкции, вызывая у читателей ощущение неуверенности в релевантности критерия достоверности излагаемых повествователем фактов, а также в возможности правдивой реконструкции авторской идентичности. Как отмечают исследователи, трансформированное автобиографическое повествование воспринимается как «поле, в котором варьируются различные версии индивидуальной судьбы, как набор «историй», ни одна из которых не является более предпочтительной, чем другие» [6, с. 47].

Когнитивный диссонанс как понятие впервые было введено в научный оборот социальным психологом Леоном Фестингером, который сосредоточился на феноменах как произвольного, так и непроизвольного процесса поиска информации еще в 50-х гг. прошлого века и разработал теорию диссонанса. Одним из важнейших заключений психолога, релевантным для данной работы, стал вывод исследователя о том, что «возникновение диссонанса, порождающего психологический дискомфорт, будет мотивировать индивида к попытке уменьшить степень диссонанса и по возможности достичь консонанса» [10, с. 17]. Л. Фестингер отмечал, что в основе когнитивного диссонанса лежит несоответствие, расхождение, противоречие между когнитивными элементами, входящими в систему знаний индивида, причем «степень диссонанса будет прямо пропорциональна важности данных когнитивных элементов» [10, с. 32], а устранение или уменьшение диссонанса возможно при изменении, либо добавлении новых когнитивных элементов в систему знаний индивида» [10, с. 39].

В последние десятилетия понятие когнитивного диссонанса стало достаточно активно разрабатываться в лингвистике, поскольку «гипотезы о преодолении такого диссо-

нанса позволяют объяснить работу некоторых механизмов понимания речи» [2, с. 33; см. также 3; 5], тем не менее, дискурсивно-прагматические механизмы моделирования современных автобиографических повествований изучены еще далеко не полностью, что и обуславливают *актуальность и новизну* данной статьи. **Цель** данного исследования, таким образом, определяется необходимостью более подробного рассмотрения ряда стратегий создания автобиографических текстов, ведущих к возникновению когнитивного диссонанса у читателей, не вполне подготовленных к разнообразным трансгрессиям автобиографического пакта, связанным в том числе с присущим многим современным авторам стремлением к игровой рефлексии над проблемами репрезентации субъекта повествования, памяти, времени.

2. Игровые стратегии моделирования современного автобиографического повествования

Субъектно-объектная организация мнемонических текстов представляет собой сложнейшее преломление авторской субъективности в повествовании в виде «Я» повествователя и «Я» повествуемого, разделенных временем и пространством. В эпоху постмодернизма стремление с разнообразным «инсценировкам» своей личности [1, с. 133], к усложненной рефлексии над путями реконструкции своего прошлого, своего «Я» и, таким образом, к самопознанию, стало приводить к возникновению неконвенциональных автобиографических текстов. В качестве иллюстрации концепта «смерти автора» Джон Барт предлагает типично постмодернистское повествование, озаглавленное “Autobiography” и снабженное подзаголовком “A Self-Recorded Fiction”, в котором повествующее «Я» — это голос самой автобиографии. Известный американский постмодернист, который своим творчеством подтверждает тезис Пола де Мана о том, что практически любое повествование следует рассматривать как повествование автобиографическое [18], в своей ироническо-

шутливой манере создает развернутый комментарий на тему автобиографической прозы, проблем репрезентации и роли читателей при восприятии автобиографических повествований:

I see I see myself as a halt narrative: first person, tiresome. Pronoun sans ante or precedent, warrant or respite. Surrogate for the substantive; contentless form, interestless principle; blind eye blinking at nothing. Who am I. A little *crise d'identite* for you. I must compose myself. Look, I'm writing [14, p. 36].

Л. М. Ньюбина отмечает, что «написанные известным автором воспоминания о своей жизни включают не только конкретные факты, но и их оценку, описание, рассуждения по разным поводам, в которых может активно проявляться не только оценочная деятельность авторского сознания, но и особенности его творческого и стилистического метода, характерного и для его литературной деятельности» [8, с. 105]. Прием олицетворения автобиографии как звучащего голоса в рассказе Барта призван продемонстрировать невозможность отделить вымысел от фактов при создании современного автобиографического текста, также как невозможно разделить жизнь и творческое воображение автора:

It's alleged, now, that Mother was a mere passing fancy who didn't pass quickly enough; there's evidence also that she was a mere novel device, just in style, soon to become a commonplace, to which Dad resorted one day when he found himself by himself with pointless pen [14, p. 36].

В прагматическом фокусе данного метапрозаического повествования оказывается как раз процесс создания автобиографии, «отцом» которой является писатель, причем в основе повествовательной стратегии Джона Барта лежит *рефлексивная игра* как прагматическая установка [11], позволяющая автору в иронической форме прокомментировать сложности творчества:

So much for my dramatic exposition: seems not to 've worked. Here I am, Dad: Your creature! Your caricature! [14, p. 37]

Использование литературоведческих терминов («a novel device», «dramatic exposition») способствует усилению эффекта творимости текста, который разворачивается как бы на глазах у читателей, вовлекая их в увлекательную игру в вымысел и одновременно вызывая некий когнитивный диссонанс, связанный с необычностью повествовательной структуры рассказа.

Рассказ Барта является, безусловно, превосходным образцом метапрозы, комментирующей исключительную сложность создания достоверного жизнеописания: «*Being an ideal's warped image, my fancy's own twist figure, is what undoes me*» [14, p. 38]. Выбор оценочной лексики *warped*, *twist*, содержащей сему «искажения», недвусмысленно подтверждает отношение известного постмодерниста к автобиографии как «амбивалентному жанру», находящемуся между литературой фактологической и литературой художественной [8, с. 105].

Одной из распространенных стратегий создания автобиографического повествования в последние десятилетия можно считать *стратегию создания автофикции*, при реализации которой происходит намеренная игра в семантическом поле фактологичность/фикциональность. В зависимости от того, делается ли автором акцент на первой или второй части термина «автофикция» при выстраивании повествования, принято говорить о более узком подходе к автофикции, предложенном Сержем Дубровски, как к «вымыслу абсолютно достоверных событий и фактов» [Doubrovsky, 1977; цит. по 7], или о более широком подходе Винсана Колонна, рассматривающего автофикцию как авторскую фикционализацию своего «Я», как самосочинение и эксперимент.

«Diary of a Bad Year» и «Summertime», написанные Нобелевским лауреатом Дж. М. Кутзее, представляют собой повествования, в которых известный автор-постмодернист реализует стратегию создания автофикции.

Как известно, дневник считается одним из жанров автобиографического дискурса,

фиксирующим ежедневные события [4, с. 5]. «Дневник плохого года» Кутзее рассказывает читателям о событиях одного года («12 September 2005 — 31 May 2006») из жизни пожилого австралийского писателя южно-африканского происхождения, которому немецкое издательство заказало книгу под названием «Strong Opinions». Рисуя образ именитого писателя, известного в романе как С. или Senior С., написавшего роман «Waiting for the Barbarians» и сочетая автобиографические элементы (реальные факты биографии, реальный роман) и вымысел, Кутзее создает сложную маску повествователя, в форме дневниковых размышлений высказывающего свои мысли по разнообразным проблемам современности, будь то демократия, устройство государства, Тони Блер или проблема авторства в литературе. Суждения С., по форме напоминающие эссе и свидетельствующие о тенденции «эссеизации литературы», о стирании границы между автобиографией/автобиографическим романом и философским эссе [9, с. 302], составляют содержание заказанной писателю С. книги и красноречиво демонстрируют многослойность и полифоничность эгоцентрического текста:

а. On Dostoevsky

I read again last night the fifth chapter of the second part of *The Brothers Karamazov*, the chapter in which Ivan hands back his ticket of admission to the universe God has created, and found myself sobbing uncontrollably [16, p. 223].

Достоевский, ставший протагонистом одного из романов Кутзее («The Master of Petersburg»), оказывается одним из ключевых компонентов в центральной для Кутзее теме загадки творчества и роли творческой личности в истории:

What the great authors are masters of is authority. What is the source of authority, or of what the formalists called the authority-effect? If authority could be achieved simply by tricks of rhetoric, then Plato was surely justified in expelling poets from his ideal

republic. But what if authority can be attained only by opening the poet-self to some higher force, by ceasing to be oneself and beginning to speak vatically? [16, p. 151]

Когнитивный диссонанс может возникнуть у читателей, не вполне знакомых со стремлением многих постмодернистских авторов создать сложный полифонический образ «Я», репрезентирующий одновременно и ироническую модальность реального автора, и игровую маску (alter ego) автора (сеньора С.), включающую многообразные фикциональные составляющие. Фикционализация «Я» осуществляется при помощи механизма постоянного переключения прагматического фокуса повествования, в котором на первый план выдвигаются то эссеистические рассуждения автора, то точка зрения вымышленного персонажа дневниковых записей.

Ощущение «логической неуверенности и повествовательного дискомфорта» [12, с. 53] усиливается многократно при попытке соотнесения основных положений автобиографического соглашения, предполагающего идентичность автора, повествователя и протагониста, с повествовательной структурой «Summertime», третьей части автобиографической трилогии, созданной Дж. Кутзее. Возникновение когнитивного диссонанса, то есть явного расхождения между имеющимся у читателей когнициями и предлагаемой в автобиографии информацией, связано со стратегией игрового монтажа дискурсов при моделировании автобиографического повествования. Кутзее выстраивает заключительную часть своего жизнеописания как биографию, создаваемую уже после своей смерти молодым английским биографом, беседующим с несколькими ключевыми для писателя личностями. Текст, таким образом, представляет собой сочетание ряда дневниковых записей, датированных 70-ми гг. прошлого века и написанных от третьего лица, часто сопровождаемых комментариями, предположительно сделанными самим писателем значительно позже,

текстов интервью, содержащих воспоминания о Кутзее, а также фрагментов, лишенных конкретных дат. Такая сложная повествовательная стратегия отражает игровую авторскую попытку создать «объективированную» автобиографию, в которой элементы автофикциональной игры («смерть субъекта» автобиографии, введение маски биографа — повествователя, обуславливающее трансгрессию жанровых правил) сочетаются с рефлексией Кутзее над судьбоносным периодом своей жизни:

According to his new, revised way of thinking, the men who ordered the killer squad into Francistown have no mistaken vision of history, much less a tragic one.

To be expanded on: his father's response to the times as compared to his own; their differences, their (overriding) similarities [17, p. 6].

Фрагментарность представляемого в повествовании времени, «инсценировка» своей личности при помощи стратегии наложения нескольких дискурсов (в частности, биографического и автобиографического) в ходе формулирования автобиографического текста способствуют созданию неклассического нарратива, неотъемлемым свойством которого становится эффект когнитивного диссонанса.

Жизнь в ее потрясающем многообразии, любовь и смерть становятся основными темами совсем небольшой по объему книги Джулиана Барнса «Levels of Life», в которой стратегия использования вариативной повествовательной перспективы обусловлена авторской установкой на актуализацию биографического дискурса (первые две части повествования) и автобиографического дискурса (последняя, кульминационная часть текста). Барнс, переживший трагическую потерю жены, создает удивительное по замыслу и исполнению повествование, в котором переплетаются судьбы Сары Бернар, полковника Барнаби, фотографа Надара, стремившихся в небо энтузиастов воздухо-

плавания, и самого Барнса, испытавшего падение в бездну отчаяния и одиночества. Представляя собой жанровый эксперимент, книга Дж. Барнса строится при помощи композиционного повтора и градации, вводящих тему встречи, меняющей жизнь отдельной личности и ход истории:

You put together two things that have not been put together before. And the world is changed [13, p. 3].

You put together two people who have not been put together before; and sometimes the world is changed, sometimes not. They may crash and burn, or burn and crash. But sometimes, something new is made, and then the world is changed. Together, in that first exaltation, that first roaring sense of uplift, they are greater than their two separate selves. Together, they see further, and they see more clearly [13, pp. 31–32].

You put together two people who have not been put together before. Sometimes it is like the first attempt to harness a hydrogen balloon to a fire balloon: do you prefer crash and burn, or burn and crash? But sometimes it works, and something new is made, and the world is changed. Then, at some point, sooner or later, for this reason or that, one of them is taken away. And what is taken away is greater than the sum of what was there. This may not be mathematically possible; but it is emotionally possible [13, p. 67].

Монтаж биографического и автобиографического дискурса, изменение повествовательной перспективы с объективированной на субъективированную ведут к значительному усилению воздействия на читателей, поскольку возникающий когнитивный диссонанс, связанный с нарушением жанровых конвенций, в данном случае выступает в качестве мотивационного механизма, интенсифицирующего когнитивную активность адресатов.

3. Заключение

В отличие от автобиографических повествований, в которых соблюдается так

называемый принцип автобиографического миметизма, многие постмодернистские автобиографические нарративы строятся как причудливое сочетание фактографических и вымышленных компонентов, позволяющее современным авторам исследовать глобальные проблемы репрезентации личности, времени, пространства, механизмов памяти и предлагать читателям неожиданные и оригинальные повествовательные ходы и решения. Рассмотренные в статье примеры «трансгрессивных» автобиографических повествований, разрушающих привычные читательские ожидания, провоцирующих возникновение когнитивного диссонанса, свидетельствуют о многообразии текстовых

аномалий и инноваций, которые способствуют выстраиванию неоднозначных, полифонических текстовых конструкций.

Дальнейшее изучение разнообразных прагматических стратегий создания современных автобиографических текстов, таких как стратегия создания автофикции, стратегия использования вариативной повествовательной перспективы, предполагающей переход с перволичностного повествования на третьеличностное, а также стратегия взаимоналожения разнообразных дискурсов позволит расширить наши представления о когнитивно-прагматических параметрах моделирования мнемонического повествования как важнейшего инструмента самопознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева В. А. Литературный нарратив: текст и дискурс. СПб.: Норма, 2006. 183 с.
2. Демьянков В. З. Когнитивный диссонанс: когниция языковая и внеязыковая // Когнитивные исследования языка. Вып. IX. М.; Тамбов: Изд-во ТГУ, 2011. С. 33–40.
3. Дроздова Т. В. Когнитивный диссонанс как лингвистическая проблема (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2011. 18 с.
4. Звонарева Ю. В. Лингвистические средства идентификации личности в литературной автобиографии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2013. 24 с.
5. Ирисханова К. М. Когнитивный диссонанс в англоязычном поэтическом дискурсе // Вестник МГЛУ. Вып 17 (703). 2014. С. 7–14.
6. Киреева Н. В. Постмодернистская литература США: особенности жанровой поэтики. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. 383 с.
7. Левина-Паркер М. Введение в самосочинение: autofiction // НЛО. № 103, 2010. URL: <https://www.zh-ru/nlo/2010/103/le2-pr.html> (дата обращения 20.02.2019).
8. Нюбина Л. М. Категория времени в текстах литературной автобиографии // Грамматика в научно-исследовательском контексте современной лингвистики. Материалы научных чтений памяти профессора Л. В. Шишкиной. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. С. 104–116.
9. Пестерев В. А. Модификация романной формы в прозе Запада второй половины XX столетия. Волгоград, 1999. 309 с.
10. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Ювента, 1999. 320 с.
11. Чемодурова З. М. Прагматика и семантика игры в англоязычной постмодернистской прозе XX–XXI веков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. 40 с.
12. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. СПб.: Symposium, 2002. 285 с.
13. Barnes Julian. Levels of Life. London: Vintage Books, 2014. 118 p.
14. Barth John. Lost in the Funhouse. New York, London: Anchor Books Doubleday, 1988. 203 p.

15. *Brockmeier Jens*. Autobiographical Time // *Narrative Inquiry*. 10 (1), 2000. Pp. 51–73.
16. *Coetzee J. M.* *Diary of a Bad Year*. London: Vintage Books, 2008. 231 p.
17. *Coetzee J. M.* *Summertime*. London: Vintage Books, 2010. 266 p.
18. *De Man Paul*. *The Rhetoric of Romanticism*. New York: Columbia University Press, 1984. 327 p.
19. *Di Summa-Knoop Laura*. *Critical Autobiography: A New Genre?* // *Journal of Aesthetics and Culture*. 9 : 1, 2017. Pp. 1–12.
20. *Lejeune Ph.* *The Autobiographical Contract* // *French Literary Theory Today. A Reader*. Ed. by T. Todorov. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 1982. Pp. 192–222.

REFERENCES

1. *Andreeva V. A.* *Literaturnyj narrativ: tekst i diskurs*. SPb.: Norma, 2006. 183 s.
2. *Dem'yankov V. Z.* *Kognitivnyj dissonans: kognitsiya yazykovaya i vneyazykovaya* // *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. Vyp. IX. M.; Tambov: Izd-vo TGU, 2011. S. 33–40.
3. *Drozdova T. V.* *Kognitivnyj dissonans kak lingvisticheskaya problema (na materiale angliyskogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. Belgorod, 2011. 18 s.
4. *Zvonareva Yu. V.* *Lingvisticheskie sredstva identifikatsii lichnosti v literaturnoy avtobiografii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. Chelyabinsk, 2013. 24 s.
5. *Iriskhanova K. M.* *Kognitivnyj dissonans v angloyazychnom poeticheskom diskurse* // *Vestnik MGLU*. Vyp 17 (703). 2014. S. 7–14.
6. *Kireeva N. V.* *Postmodernistskaya literaturata SShA: osobennosti zhanrovoy poetiki*. Blagoveshchensk: Izd-vo BGPU, 2013. 383 s.
7. *Levina-Parker M.* *Vvedenie v samosochinenie: autofiction* // *NLO*. № 103, 2010. URL: <https://www.zh-ru/nlo/2010/103/le2-pr.html> (data obrashcheniya 20.02.2019).
8. *Nyubina L. M.* *Kategoriya vremeni v tekstah literaturnoy avtobiografii* // *Grammatika v nauchno-issledovatel'skom kontekste sovremennoy lingvistiki. Materialy nauchnyh chteniy pamyati professora L.V. Shishkinoy*. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2017. S. 104–116.
9. *Pesterev V. A.* *Modifikatsiya romannoy formy v proze Zapada vtoroy poloviny XX stoletiya*. Volgograd, 1999. 309 s.
10. *Festinger L.* *Teoriya kognitivnogo dissonansa*. SPb.: Yuventa, 1999. 320 s.
11. *Chemodurova Z. M.* *Pragmatika i semantika igry v angloyazychnoy postmodernistskoy proze XX–XXI vekov: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk*. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2017. 40 s.
12. *Eko U.* *Shest' progulok v literaturnyh lesah*. SPb.: Symposium, 2002. 285 s.
13. *Barnes Julian*. *Levels of Life*. London: Vintage Books, 2014. 118 p.
14. *Barth John*. *Lost in the Funhouse*. New York, London: Anchor Books Doubleday, 1988. 203 p.
15. *Brockmeier Jens*. *Autobiographical Time* // *Narrative Inquiry*. 10 (1), 2000. Pp. 51–73.
16. *Coetzee J. M.* *Diary of a Bad Year*. London: Vintage Books, 2008. 231 p.
17. *Coetzee J. M.* *Summertime*. London: Vintage Books, 2010. 266 p.
18. *De Man Paul*. *The Rhetoric of Romanticism*. New York: Columbia University Press, 1984. 327 p.
19. *Di Summa-Knoop Laura*. *Critical Autobiography: A New Genre?* // *Journal of Aesthetics and Culture*. 9 : 1, 2017. Pp. 1–12.
20. *Lejeune Ph.* *The Autobiographical Contract* // *French Literary Theory Today. A Reader*. Ed. by T. Todorov. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 1982. Pp. 192–222.